

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИОСОЦИОЛОГИЯ, ИЛИ О ПОЛЬЗЕ
ДИЛЕТАНТСКОГО ПРОЧТЕНИЯ Панов Е.Н. Бегство от одиночества.
Индивидуальное и коллективное в природе и в человеческом обществе. М.: Лазурь,
2001.- 637 с.

Шмерлина Ирина Анатольевна — кандидат философских наук, докторант Института социологии РАН. Адрес: 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, строение 5. Телефон: (095) 120-82-57. Факс: (095) 719 07 40. Электронная почта: Shmerlina@yandex.ru

С тех пор, как неокантианцы обозначили пропасть между науками о природе и науками о культуре, время от времени предпринимаются попытки closing the Great Divide. Рецензируемая работа находится в русле этой традиции. Книга Е.Н. Панова не претендует на формирование междисциплинарной программы. Она являет собой великолепный образчик научно-популярной литературы и посвящена не столько обоснованию, сколько иллюстрации исходной социальной доминанты, присущей жизни на Земле. Это хорошо отражено в названии книги, в меру интригующем и в меру романтическом — "Бегство от одиночества". "Вероятно, не будет ошибкой сказать, что потребность живых существ, способных к самопроизвольному движению (будь то одноклеточные микроорганизмы или высшие животные), поддерживать контакт с другими представителями своего вида есть лишь частное проявление фундаментального закона органической жизни, — пишет автор. — Суть этого закона в том, что живые структуры всегда, когда есть возможность, образуют коалиции... Сфера действия этого принципа охватывает все этажи органического мира — от взаимодействия слагающих организм клеток до социальных взаимоотношений в популяциях всех населяющих нашу планету живых существ, включая и Человека Разумного" (с. 12–13)¹. Эпиграфом к книге могла бы послужить мысль Тейяра де Шардена, в экзальтированном виде отражающая основную идею сочинения Е.Н. Панова: "Если бы в крайне рудиментарном, но безусловно возникающем состоянии у молекулы не существовало внутреннего влечения к единению, то физически любовь не могла бы обнаружиться выше, у нас, в гоминизированном состоянии" [1, с. 208]. Более академическое выражение этой мысли присутствует и в сочинениях Дюркгейма: "Не думайте, что только человек живет в группах. Сама вселенная есть не более чем огромное общество, и каждое небесное тело является ее членом. Атом притягивает атом, и клетка притягивает клетку... Данный закон группы доминирует в жизни всей вселенной..." [2, р. 35].

Е.Н. Панов показывает, что социальность не есть эволюционное достижение человека; она представляет собой исходный атрибут жизни на Земле. Начиная с уровня клетки, органическая жизнь пронизана социальностью. "Способность клеток активно перемещаться и взаимодействовать друг с другом в соответствии с определенными правилами позволяет сегодня ученым говорить о "социальном поведении" клеток", — замечает Е.Н. Панов (с. 13). Чрезвычайно любопытен сюжет о "социальном" поведении бактерий, ведущих "коллективную охоту" (с. 82–86).

Сверхзадача книги — не только показать глубокие биологические корни социальности, но и проследить их развитие и воплощение в высших формах жизни, выявить механизм действия единого принципа социальности на разных уровнях органического мира. Трудно сказать, можно ли вообще реализовать подобную задачу. Во всяком случае, в данном сочинении это сделать не удалось, и

великолепный замысел остался, по сути, красивой метафорой. Книга состоит из трех достаточно автономных разделов, первый из которых посвящен примитивным формам жизни, второй — социальной жизни животных и третий — культурной жизни человека. Первый раздел представляется наиболее интересным, второй — менее, а третий в целом вряд ли заинтересует социолога. Стоит, однако, заметить, что выявление единой эволюционной линии социальности вряд ли вообще возможно средствами научно-популярного жанра. Неудивительно поэтому, что богатейший фактический материал мало способствует тому, чтобы показать, как из коалиции клеток рождается человеческое общество. Свою роль здесь сыграла, видимо, и позиция автора, превосходно знающего, как убийственно для биолога, рассуждающего о человеческом сообществе, звучат упреки в биологизаторстве. Чтобы избежать этого, Е.Н. Панов в последних разделах книги убеждает читателя в уникальности человека и его общественной жизни и недопустимости культурно-биологических параллелей, что, с точки зрения заявленной задачи, выглядит несколько странно. При этом в биологических разделах, особенно в начале, где речь идет о наиболее примитивных формах жизни, автор допускает подчас обескураживающие экстраполяции. Так, описывая сложные взаимоотношения между биологическим "коллективом" и его "членами", Е.Н. Панов замечает: "...внутри той или иной группы видов размеры зооидов² тем мельче, чем больше зооидов объединяет в себе типичный кормус³ данного вида. В этой закономерности можно увидеть намек на возможность угнетения индивидуальности каждого члена объединения совместным влиянием на него всех его многочисленных собратьев" (с. 145). Это не единственный случай рискованных обобщений, однако мы не хотели бы останавливаться на вещах, практически неизбежных в научно-популярном изложении междисциплинарных проблем. В известном смысле сам жанр требует определенной доли философского обобщения и назидательности.

Книга писалась не для профессионалов и меньше всего для социологов. Однако социолога она просто провоцирует на "нескромные" обобщения и аналогии. Настоящая рецензия есть дань этому соблазну. Проводя рискованные параллели, мы отдаем себе отчет в их облегченно-метафорическом характере. Но любая притча есть повод задуматься над жизнью, и в профессиональном социологическом ракурсе книгу Панова можно расценить как притчу, побуждающую к переосмыслению корневых проблем социо-гуманитарного дискурса.

В последнее время происходит некоторое расширение дисциплинарных горизонтов социологии. Однако и сегодня применение термина "социальность" в отношении природных форм жизни звучит для социолога диссонансом. Между тем, в литературе высказываются предположения о том, что социальность имманентна жизни [3], предзадана ей и может рассматриваться как оптимальный способ организации живого вещества, существующего в дискретной форме и стремящегося к безграничному воспроизводству при ограниченности ресурсной среды. В этом смысле социальность можно рассматривать как способ упорядочения доступа к ресурсам. Оговоримся, что речь не идет о безусловной адаптивной целесообразности социальности (это принципиальный момент, и мы на нем остановимся далее). Социальность "полезна" прежде всего не ситуационно, не как конкретное поведенческое решение в конкретной биологической ситуации (хотя это тоже не исключается), но универсально, и в качестве универсального решения включена в механизм самовоспроизводства живых систем [4].

Первые разделы книги Е.Н. Панова, посвященные малоизвестной неспециалисту жизни примитивных существ, предоставляют богатый материал для усиления

данной гипотезы. Одна из самых интересных мыслей автора состоит в том, что социальное целое (клеток) предшествует индивидуальному целому (организму). Именно эта идея заключена в колониальной теории происхождения многоклеточных (с. 91–92). Обращают на себя внимание два принципиальных момента. Первый, не новый для социологического дискурса, постулирует дифференциацию и интеграцию как универсальные механизмы развития сложного целого: "Поступательное усложнение живой материи в ходе сопряженных процессов дифференциации и интеграции — это один из наиболее универсальных феноменов мироздания" (с. 92). Со времен Спенсера эта мысль привычна для социологии, хотя стоит заметить, что Спенсер заимствовал ее у эмбриолога К. Бэра.

Второй момент связан с ролью пространственного фактора в организации жизни. В образовании колоний или талломов (объединений одноклеточных водорослей) ему, как показывает Панов, принадлежит решающая роль. "И там, и тут, — пишет автор, — отдельные клетки связаны друг с другом единственно отношениями пространственной близости, формируя за счет взаимного сцепления некую опорную структуру колонии либо талломного организма" (с. 82). В этих первых, примитивных пространственных "социальностях" начинает действовать фактор, значение которого в эволюции жизни намного существеннее, чем традиционно считает социология с ее интересом преимущественно к временному измерению жизни. Между тем, биологические исследования фиксируют важнейшее социообразующее значение пространственного фактора. Биологически он тесно связан с родственными отношениями. Родственные узы, которые в биологии считаются истоками коллективизма как для одноклеточных, так и многоклеточных животных, есть в конечном счете узы пространственные. "...Самые впечатляющие формы коллективизма в животном мире обязаны своим возникновением именно "нерасхождению" порождаемых в единой колыбели индивидов, а вовсе не вторичному объединению первоначально чуждых друг другу особей", — подчеркивает Панов (с. 104; см. также изложение гипотезы Беклемишева на с. 135–136). Одним из наиболее ярких примеров может служить жизнь общественных насекомых, связанных друг с другом не только поведенчески, но и морфологически. Во многих работах показано, что социальные структуры, в том числе и такие сложные, как семьи пчел или муравьев, формируются на базе пространственно-родственных связей (см., например, [5]). Е.П. Крученкова отмечает, что именно фактор пространственной близости лежит в основе онтогенетических и эволюционных процессов формирования родительского поведения млекопитающих [6].

Описывая систему тетеревиного тока, Е.Н. Панов также обращается к гипотезе территориального структурирования отношений. "Когда мы видим, — пишет он, — как прибывающие на ток самки уверенно движутся к его середине, игнорируя периферийных самцов, которые ни внешне, ни по экстравагантности предбрачных церемоний не уступают своим сотоварищам в центре арены, вполне оправданным начинает казаться предположение, что самка воспринимает ток как некую целостную пространственную структуру с неравноценными друг другу внешней и внутренней зонами. Именно это имеют в виду некоторые натуралисты, говоря, что готовая к спариванию самка выбирает не какого-то определенного, особенно импонирующего ей самца, а лишь наиболее "перспективную" территорию — независимо от того, насколько хорош или плох удерживающий эту территорию самец" (с. 232). Таким образом, выявляется эволюционная линия формирования социальных структур, в которой можно выделить морфологические,

территориальные, поведенческие и, наконец, символические этапы. Пространственный аспект в его тесной связи с поведенческим представляется одним из наиболее интересных аналитических сюжетов. Показательно, что в последнее время и социология начинает обращать на него внимание, формируя исследовательскую программу социологии пространства.

К несомненным достоинствам книги можно отнести то, что в ней просто рассказывается о достаточно сложных проблемах биологического анализа. К числу таких запутанных сюжетов относится проблема биологической индивидуальности. Она имеет два ракурса. Первый, связанный с поиском элементарной единицы жизни, формулируется в виде дилеммы "клетка или организм"; второй ориентирован на распознавание статуса (индивидуального/суммативного) надклеточных и надорганизменных (в широком смысле — популяционных) структур. Последний аспект представляется, с точки зрения исследовательских задач социологии, более сложным и интересным. Заметим, однако, что позиция клеточного индивидуализма, инициированная в свое время открытием феномена клетки, имеет и современные, вполне авторитетные версии. У. Матурана и Ф. Варела, авторы концепции аутопойезиса, подлинно аутопойетическим единством считают не целостный организм, а его элементарную составляющую — клетку. Организм в их представлении есть метасистема второго порядка, лишь гипотетически обладающая аутопойетическим единством: "Общее для всех метаклеточных ... заключается в том, что в качестве компонентов своей структуры они содержат клетки. Именно поэтому мы говорим, что метаклеточные являются аутопоэзными⁴ системами второго порядка. Но уместно спросить: какова организация метаклеточных? ...являются ли некоторые метаклеточные аутопоэзными единствами? ...В случае метаклеточных мы все еще пребываем в неведении относительно молекулярных процессов, благодаря которым метаклеточные формируются как аутопоэзные единства, сравнимые с клетками. ...Мы оставим открытым вопрос о том, являются или не являются метаклеточные системы аутопоэзными единствами первого порядка. Мы можем лишь утверждать, что в своей организации они обладают операциональной замкнутостью: их отличительные черты определяются сетью динамических процессов, действие которых не выходит за рамки этой сети..." [7, с. 78–79].

Второй из обозначенных ракурсов биологической индивидуальности хорошо иллюстрируется на примере колонии коралловых полипов. Что это — целостный организм или сообщество самостоятельных особей? Панов пишет: "Многие обитатели этих двух столь далеких от нас миров — царства одноклеточных протистов и вотчины Нептуна — оказались совсем непохожими на тех животных, с которыми человек постоянно имел дело прежде. Неудивительно поэтому, что в нашем обыденном языке не нашлось подходящих слов для обозначения самой сущности этих удивительных созданий, как бы балансирующих на грани между индивидуальным и коллективным способами существования... Плоды необузданной фантазии природы упорно не желают укладываться в прокрустово ложе простых классификаций" (с. 134).

Идея континуальности категорий "индивидуальное–коллективное" — одна из наиболее сильных в книге. "...Природа, — замечает Панов, — не терпит ...категоричности суждений..." (с. 116). Еще Дарвин натолкнулся на "полную неопределенность слова "самостоятельный"" (с. 122). "...Нет и не может быть никакой резкой грани между "самостоятельностью" элементов внутри целого и их "единством", — утверждает Панов. — Напротив, существуют все гаммы сочетаний

обоих состояний и все степени перехода между суверенностью элементов и подчинением их целому. Этот принцип, одинаково справедливый для взаимоотношений между анатомически самодостаточными индивидами в коллективах высших животных (не исключая и нас с вами) и между государствами в политических объединениях, предельно ярко прослеживается в фантастическом мире "сидячих" многоклеточных организмов морских глубин" (с. 123).

Отсутствие привычной в обыденной жизни четкой границы между индивидуальными и коллективными феноменами порождает проблему терминологии. Описывая надклеточные скопления, Панов подчеркивает, что континуальная природа этих "сборных созданий" (с. 133) не находит адекватного лексического отображения: "В клеточных, а точнее надклеточных агрегатах того типа, к которому принадлежит вольвокс, отдельные члены объединения уже настолько зависимы друг от друга, что их можно с некоторой натяжкой уподобить органам, вся деятельность которых так или иначе подчинена интересам содружества как целого. ...Расставаясь с собственным суверенитетом, клетки как бы передают право на автономное существование объединяющему их единству, которое становится отныне своего рода коллективным индивидом высшего порядка. Это уже не простое собрание одноклеточных элементов, но еще и не многоклеточный организм с его тканями и сложно построенными органами. Перед нами некое высокоинтегрированное разноклеточное образование, для которого не существует подходящего обозначения в нашем обыденном языке" (с. 99).

Вынужденные изобретать лексические средства, биологи оперируют непривычными для уха неспециалиста категориями "бионт", "кормус", "зооид", а также парадоксальными сочетаниями типа "коллективная индивидуальность". Синонимом последнего выступают понятия "организм высшего порядка" и "сверхорганизм" (с. 133). В данном случае речь идет о многоклеточном телесном образовании, индивидуальная целостность которого проблематизируется. Однако в "популяционно ориентированных" науках, будь то социология или популяционная биология, под коллективной индивидуальностью (сверхорганизмом) принято понимать социальное целое, не имеющее физических границ. Иначе говоря, здесь имеются в виду не надклеточные, а надорганизменные целостности. В связи с этим у захватывающего сюжета о коллективных индивидуальностях в мире примитивных форм жизни появляется не менее интригующее продолжение. Как оценить онтологический статус тех объектов, которые состоят из физически различимых особей, находящихся в тесной взаимосвязи, жизненно важной для функционирования каждой из них? Иначе говоря, какова природа надорганизменных объектов? Допустимо ли считать их реальными целостностями? Это вопросы, принципиальные как для биологии, так и для социологии, требуют специального обсуждения [8]. Реальность "идеального" надорганизменного объекта ("суперорганизма") питается из двух источников: первый из них суть законы самоорганизации, на которых мы не будем останавливаться, а второй кроется в самой живой материи. "Реквизиты", необходимые для функционирования социального целого, закодированы на элементном уровне — уровне особи. В той же степени это характерно и для телесного организма, если рассматривать его с точки зрения аутопойетически функционирующих клеток. Судьба как телесного, так и социального целого предопределена генетически. Трудно сказать, какой "особи" — индивидуально-телесной или коллективной — природа "благоволит" больше.

Убедительные основания для такого рода сомнений дает альтруистическое поведение — "пункт", который послужил отправной точкой социобиологической исследовательской программы. Природа изобилует примерами такого рода поведения — от широко известной материнской жертвенности до парадоксального с точки зрения эгоистической этики феномена "оклички" сородичей в случае внешней опасности. Особь, которая извещает членов группы об угрозе, подвергает себя повышенному риску. У. Матурана и Ф. Варела видят в парадоксе альтруистического поведения адапционные механизмы группового "организма", мобилизующего поведение индивидуальной особи. "Создается впечатление, — пишут они, — что существует определенный баланс между сохранением жизни индивидуума и поддержанием существования группы как более крупного единства, включающего в себя индивидуум. И действительно, между особью и группой в естественном дрейфе баланс существует, поскольку организмы, образуя посредством структурного сопряжения единства более высокого порядка (имеющие свою собственную область существования), включают в собственную динамику также и поддержание таких единств ... Мы можем рассматривать групповое единство, компонентами которого являются отдельные особи. При таком подходе мы замечаем, что группа стремится непременно сохранить адаптацию и организацию в области своего существования..." [7, с. 174]. "Альтруизм", закодированный генетически, рождает ассоциации с миной, заложенной внутри организма. Вызывая разрушительные для организма последствия, он действует на благо "общего целого", способствуя в конечном счете выживанию биологического вида.

Идея о том, что система суперорганизма (надорганизменной целостности) закодирована на уровне особи, находит в книге Панова неожиданное и яркое подтверждение. Описывая колониальных одноклеточных, автор обращает внимание не только на многообразие и изящество их конструкций — цепочки звездообразных амёб, квадратные и эллипсоидные пластины, ажурные шары и стекловидные бокалы, прозрачные кубики (с. 76), — но и на строгое для представителей конкретного вида постоянство последних. При этом колониальное целое может иметь специфические физические атрибуты: зачастую оно представляет собой "слизистое тело, создаваемое выделениями всех членов колонии. Поразительно здесь то, — пишет Е.Н. Панов, — что форма этого слизистого тела, возникающего за счет совместной жизнедеятельности всех клеток, судя по всему, запрограммирована в генах данного вида микроорганизмов" (с. 77–78). В известном смысле можно сказать, что социальность первоначально возникает как физическое свойство жизни, и лишь постепенно, по мере эволюционного усложнения, дает начало социальности поведенческой, обретая в дальнейшем символические черты.

Прослеживая "истоки биосоциальности" в мире одноклеточных, Е.Н. Панов замечает: "Любопытно, что при ...широких возможностях оптимального дизайна представители каждой из трех ...групп протистов⁵ неоднократно приходили к очень похожим, по сути дела, конструктивным решениям. К числу таких решений относится среди прочих переход к совместному существованию полуавтономных индивидов-клеток в составе сплоченной колонии, этого первичного социального коллектива... К колониальному образу жизни вполне независимо от микроорганизмов-эукариот (и скорее всего намного раньше их) пришли также "бактерии"-прокариоты⁶, а затем и многие низшие многоклеточные..." (с. 76).

Данный сюжет, связанный с проблемой ограниченности эволюционных решений, является одним из наиболее интересных в книге. При заданных условиях "задачи" (к числу которых относится не только дискретность живого вещества и конкурентный ресурсный контекст, но и весь комплекс физических и химических условий) жизнь может делать выбор из ограниченного числа вариантов. Это в равной степени относится как к морфологическим, так и поведенческим решениям. В плоскости социально-философского дискурса эту мысль наиболее отчетливо, насколько нам известно, выразил Ю.М. Плюснин, предложив концепцию социальных архетипов, неизменно воспроизводящихся на самом различном биологическом материале [3]⁷.

"...Одни и те же, по существу, формы коллективизма возникают в процессе эволюции параллельно и независимо в совершенно неродственных друг другу подразделениях органического мира", — считает Е.Н. Панов (с. 108). Нетрудно "обнаружить общие структурные признаки и общие принципы организации в "колонии" вольвокса (либо зоотамния⁸) и в семье социальных насекомых, таких, например, как всем хорошо известная медоносная пчела" (с. 105). Осмысление этих принципов позволило биологам предсказать существование уникального животного — "млекопитающего с замашками термита" (с. 386). Е.Н. Панов пишет: "Американский зоолог Р. Эликсендер предположил, что общины того типа, что существуют у термитов, могли бы возникнуть у некоего гипотетического вида млекопитающих, если бы этот вид существовал в определенных специфических условиях. А самое главное условие — это осуществляемый тем или иным способом запрет на систематическую свободную эмиграцию индивидов из растущего коллектива" (с. 385). Так был открыт образ жизни "голового землекопа". В известном смысле это животное найдено "на кончике пера" (о его физическом существовании знали, но образ жизни оставался загадкой). Известно, что одной из слабых сторон биологического (равно как и социологического) теоретизирования считается ретроспективно-описательный характер и слабые прогностические возможности. Открытие голового землекопа представляется в этом отношении особенно примечательным случаем.

Феномен коллективной организации жизни Е.Н. Панов анализирует на примере трех ее форм — семьи, социальной иерархии и института так называемых "помощников".

Репродуктивно-семейные отношения рассматриваются в биологии как эволюционное начало и фундамент социальной жизни. В выражении "семья — ячейка общества" заложено больше смысла, чем позволяет прочесть затертый идеологический штамп. Различия между семейными отношениями людей и животных вполне очевидны, однако сходство "несущих биологических конструкций" не может не бросаться в глаза. Несмотря на явные попытки Е.Н. Панова избежать "биологизаторства", весь биологический материал работы заставляет отчетливо понять, что семья у людей — это прежде всего репродуктивная общность. Данное обстоятельство создает для социологии семьи изначальный контекст, те "предпосылочные суждения", которые ограничивают выбор ею "собственных постулатов и допущений" относительно предмета исследования [11, с. 178, 176].

Социально-иерархические отношения представляют особый интерес для социолога. До сих пор их принято рассматривать исключительно как феномен культурной жизни человека, и Е.Н. Панов совершенно справедливо развенчивает

антропоцентрические заблуждения. Он показывает, что самые совершенные формы социальной организации представлены отнюдь не у млекопитающих. Наиболее сложными, дифференцированными и даже морфологически закрепленными чертами социальности обладают общественные насекомые. Если признать критерием социальности "репродуктивное разделение труда" (как предлагают В. Гамильтон и его последователи-социобиологи), то, замечает Е.Н. Панов, "придется вычеркнуть человека из разряда высокосоциальных существ" (с. 366).

Сравнивая разные формы коллективной жизни, например, львов и гиеновых собак, автор задается вопросом о критериях оценки обобщенного уровня социальности. В качестве такого критерия он предлагает рассматривать длительность существования социальной группировки. Коллектив, пишет Е.Н. Панов, становится монолитным социальным организмом, когда он способен "сохранить свою целостность, преемственность и индивидуальность на протяжении жизни многих поколений. Едва ли можно сомневаться в том, что долговременное существование преемственных группировок... — это один из самых важных показателей силы социальных связей внутри коллектива и соответственно уровня социализации тех или иных видов животных" (с. 368). Так, "у львов ...каждый прайд способен существовать как некое преемственное и единое целое по крайней мере несколько десятилетий подряд. Подобная устойчивость группировки во времени есть, на мой взгляд, — подчеркивает Панов, — один из самых важных показателей силы социальных связей, консолидирующих коллектив, равно как и уровня социализации, достигнутого в эволюции тем или иным видом животных" (с. 374).

Возможно, стабильность и длительность существования действительно могут служить универсальными этологическими критериями социальной целостности. Такая постановка проблемы звучит несколько неожиданно для социолога, который в силу заданности "первоначальных условий" теоретизирования вообще не склонен задумываться о критериях "истинной" социальности. Более уместно здесь было бы вспомнить историко-философскую традицию, рассматривающую рождение, развитие и деградацию социальных объединений как естественноисторический процесс.

Любопытно заметить, что критерий устойчивости есть, по сути, перенесение на социум свойства самосохранения как важнейшего качества организма-особи. Воспроизведение организменной метафоры при анализе социальных феноменов является, по всей видимости, отражением реально существующего сходства между организмом и обществом, которые можно рассматривать как различные формы и/или уровни в единой перспективе структурно-целостной организации жизни.

Весьма познавательным и поучительным является сюжет об институте помощников. Помощники — это особи, достигшие половой зрелости, но не участвующие в размножении, а вместо этого принимающие на себя функции ухода за потомством. Данный феномен, любопытный сам по себе, интригует еще больше, если принять во внимание его сомнительную адаптационную ценность. Биологи долгое время не сомневались в пользе помощников. Однако при ближайшем рассмотрении выяснилось, что коммунальное выращивание потомства, как правило, менее эффективно, чем родительская забота (с. 337–343). Такого рода факты заставляют расстаться с представлением о безусловной мудрости природы, которая ничего не делает "зря". В книге "Поведение животных и этологическая структура популяций", адресованной не массовому читателю, а профессиональному сообществу, Е.Н. Панов обращает внимание на опасность

априорной "констатации полезности любой формы поведения, биологический смысл которой не ясен с первого взгляда" [9, с. 19]. Это ведет к методологической "позиции неограниченного адапционизма", неперспективной для анализа парадоксальных поведенческих феноменов, таких как инфантицид, каинизм, самоубийство [9, с. 19].

Стоит заметить, что социологии с ее исторически исходным интересом к социальным дисфункциям, достаточно близок дарвиновский принцип "относительной приспособленности, в соответствии с которым далеко не все свойства биологической системы являются адаптивными" [9, с. 18]. Не все, что существует, "разумно". Отсюда следует, что многие физико-морфологические, поведенческие и социально-институциональные феномены природной и культурной жизни носят дисфункциональный характер и не могут быть гармонизированы естественным (естественно-биологическим или естественно-социальным) образом.

Стремясь выявить универсальные принципы жизни, Е.Н. Панов обращает внимание на конфликт и сотрудничество. Действие этих принципов он обнаруживает в самом механизме становления жизни на Земле. "...Есть все основания предполагать, — пишет он, — что при становлении первичных органических структур происходила "самосборка" сложных конструкций из готовых блоков, так что антагонистические отношения между этими исходными компонентами преобразовывались в отношения сотрудничества" (с. 14); "...бессознательной кооперации элементарных биохимических структур мы обязаны первыми проблесками жизни на Земле" (с. 15). "Диалектическое единство противоположностей "сотрудничество—конфликт"" (с. 107) рассматривается в диапазоне, включающем колонии инфузорий, семьи общественных насекомых, сообщества птиц и млекопитающих и социальные структуры человеческого общества.

Идея о том, что конфликтное, агрессивное начало является биологическим стержнем социальной жизни, принадлежит, насколько нам известно, К. Лоренцу. Он же великолепно показал механизм преобразования этой отрицательной энергии в формы миролюбивого поведения и привязанности. К сожалению, имя Лоренца упомянуто в книге только один раз, к тому же в контексте, примитивизирующем идею великого этолога и блестящего популяризатора поведенческой биологии (с. 358).

О конструктивной природе конфликта задумывались многие исследователи. В домене социального анализа мы бы в первую очередь назвали не Гоббса, упоминаемого в книге Панова, а Зиммеля.

В последнее время предпринимаются интересные попытки рассмотреть агрессию в более широком онтологическом аспекте. Так, в исследовании А.П. Назаретяна агрессивность (иначе говоря, разрушительное, энтропийное начало) трактуется "как неотъемлемое свойство материальных взаимодействий" [12, с. 111]. Она выступает в качестве стимула антиэнтропийной активности, лежащей в самой основе жизни.

Книга Е.Н. Панова богата сюжетами, которые исключительно интересны сами по себе и к тому же имеют эвристическую ценность. Поразителен пример с грибными плантациями муравьев-листорезов. В их сообществах существуют даже касты,

занимающиеся прополкой (!) грибных садов (с. 430). Допустимо ли видеть здесь глубокие биологические корни того, что у людей носит название материальной культуры? Стимулирование творческого воображения читателя, несомненно, входило в "дидактический" замысел автора, сознательно выбравшего рискованный путь широких аналогий, столь полезных "в поисках общих закономерностей" (с. 114). "...Без ...аналогий, — пишет Е.Н. Панов, — ...не обойтись..., ибо только они позволяют ясно увидеть сходство там, где, на первый взгляд, присутствуют одни лишь различия..." (с. 106).

¹ В круглых скобках указаны страницы рецензируемого издания. Ссылки на другие литературные источники даны в соответствии с принятыми в журнале нормами библиографического описания.

² Зооиды — "части объединения, интуитивно воспринимаемые нами в качестве "отдельных особей"" (с. 133).

³ Кормус (греч. "тело") — "собрание многоклеточных животных, возникающее путем вегетативного размножения" (с. 132).

⁴ В переводе книги У. Матураны и Ф. Варелы "Древо познания" термин "autopoiesis" дается как "аутопозэ". Мы сохраняем этот перевод в цитатах, но в изложении прибегаем к более привычному варианту "аутопойезис".

⁵ В эту группу объединены одноклеточные водоросли, одноклеточные грибы и простейшие (с. 72).

⁶ Эукариоты — организмы, клетки которых содержат ядро, хранящее генетическую информацию. Прокариоты — организмы, клетки которых не имеют ядра (ДНК в этих клетках находится непосредственно в цитоплазме) (с. 60–61).

⁷ Любопытно, что фактологической базой концепции Ю.М. Плюснина послужил, как указывает сам автор, материал монографии Е.Н. Панова "Поведение животных и этологическая структура популяций" [9].

⁸ Вольвокс, зоотамний — образчики "сборных созданий", природа которых не может быть однозначно определена как индивидуальная или коллективная. О вольвоксе (*Volvox globator*) как ярком примере подобного "двусмысленного" биологического образования писал Г. Спенсер в "Основаниях биологии" [10, с. 146].

ЛИТЕРАТУРА

1. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М.: Наука, 1987.
2. Durkheim E. The teaching of morality in primary schools // *Journal of Moral Education*. 1995. Vol. 24. No. 1. P. 26-36.
3. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции: теоретико-методологический анализ. Новосибирск: Наука, 1990.
4. Шмерлина И.А. Метафизика социальности. (В печати.)
5. Еськов Е.К. Эволюция семьи у пчелиных // *Журнал общей биологии*. 1982. Т. XLIII. N 2. С. 186–196.

6. Крученкова Е.П. Принципы отношений мать–детеныш у млекопитающих: Автореф. дисс. ... д-ра биол. наук. М.: МГУ, 2002.
7. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: биологические корни человеческого понимания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001.
8. Шмерлина И.А. Идея целостности в социологии и биологии. (В печати.)
9. Панов Е.Н. Поведение животных и этологическая структура популяций. М.: Наука, 1983.
10. Спенсер Г. Основания биологии. В 2-х т. Т. 1. / Пер. с англ. А. Герда. СПб.: Издание Н.П. Полякова, 1870.
11. Алешин А.И. Междисциплинарные связи биологии как пространство возможностей теоретического поиска // Природа биологического познания. М.: Наука, 1991. С. 163–178.
12. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. Очерки междисциплинарной теории прогресса. М.: Недра, 1991.